

ред. Зеленина вышли выпуски с Л, в т. IV под ред. Булича — выпуски И). Вскоре издание прекратилось, хотя для его возрождения и собирания материалов в начале 20-х гг. был обновлен и значительно пополнен состав Словарной комиссии (ред. В. М. Истрин, секр. С. П. Обнорский) с широкими целями. По представлению В. М. Истрина, Н. К. Никольского и Е. Ф. Карского 14 мая 1921 г. М. Н. Сперанский был избран действительным членом РАН.

Это были очень трудные для науки годы, и два последних десятилетия в жизни М. Н. Сперанского могут быть освещены только по данным архивов. Из них очевидно, почему многие описания рукописных собраний остались неопубликованными, приготовленные к изданию памятники древнерусской письменности лежали без движения. Об этом говорит, например, уцелевшая переписка ученых. Вот только два примера: с просьбой отрецензировать подготовленное В. Н. Щепкиным исследование о Палее М. Н. Сперанский обратился к А. И. Соболевскому. Вот его лаконичный ответ: «Отвечаю, к сожалению, отказом. Не имея ни электричества, ни керосина, я по вечерам не занимаюсь. Утро уходит на текущие дела и таким образом у меня нет времени просмотреть „Палею“ Щепкина. 21 янв. 1921 г.» [7]. К М. Н. Сперанскому обращается Ник. Петрович Попов, его соратник и сподвижник по ГИМу (в свое время его описание рукописей Синодальной библиотеки трепетно отрецензировал М. Н. Сперанский [8]): «Многоуважаемый Михаил Несторович! А. Д. Седельников сообщил мне, что Блинов требует с меня 4 рубля на индустриализацию. У меня денег нет, т. к. я свою зарплату не получил ниоткуда, а с болезнью расходов прибавилось... Не будете ли добры одолжить мне названную сумму... чтобы заткнуть горло Блинову... Плеврит... Трудно дышится. Деньги Ваши во всяком случае не пропадут: если я и подохну, заплатит сын. Желаю Вам и всем моим коллегам всего наилучшего, особенно здоровья. Ваш покорный слуга. Н. Попов» [9]. А ведь именно в таких условиях в это время больной Попов выписал 923 карточки для ДРС из Словаря Герасима Влаха 1659 г., до сих пор не найденного источника.

Как актуальны сейчас слова В. М. Истрина, прозвучавшие в начале 20-х гг. на вечере памяти И. В. Ягича: «Ровно год тому назад в письме к одному из наших коллег Ягич писал: „Я... дожид до объединения южных славян (сербов и хорватов), о котором когда-то мы только мечтали, бог даст, я дожусь поворота к спокойствию и удовольствию России во всех ее концах“. Порадуемся по крайней мере за него, что он мог жить такими надеждами, которые далеко не всех нас окрыляют, и принесем ему благодарность за то, что свои мечтания о лучшем будущем он перенес с южного славянства на нашу когда-то сильную и славную, а теперь обездоленную и истерзанную Родину» [10, с. 338]. Это был август 1923 г.

В какой-то мере возникшее в те годы в Москве движение по ручной выписке (на обрезках бумаги, газетных полосках) цитат из памятников письменности для создания базы для древнерусского словаря было выходом из положения. Никакой иной способ технически был бы невозможен. Это давало к тому же занятость десяткам специалистов, лицам, получившим духовное образование (например, Дм. Ив. Абрамович), многим образованным людям из семей священников (например, А. П. Евгеньева), оказавшимся не у дел. Сама идея обоснования важности древнерусского словаря в тот момент, когда говорят об индустриализации, могла быть не понята и требовала от Соболевского, Сперанского, Истрина известного гражданского мужества. Ко многим из них обращался в начале 20-х гг. с письмами А. И. Соболевский, сам выписавший для будущей картотеки 50 000 карточек-цитат.

Почти не уступал ему в этом М. Н. Сперанский. Картотека заложена была московскими силами. Работа шла гигантская, и была она бессеребряная. Десятки тысяч выписанных специалистами карточек делались, увы, не в мирной тиши. Демократизация академии и стремление ее реформировать подчас бывали трагичны: расшатывалось Отделение русского языка и словесности и деятельность его комиссий.